

Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701—1703)

Ирина Шамина

Practical implementation of the first stage of the Church reform of Peter I (1701—1703)

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016256-2

Исследователи церковных преобразований Петра I неоднократно отмечали стремление царя поставить под контроль государства церковные институты. Реформа Церкви имела политические, экономические, идеологические и иные аспекты и проходила в несколько этапов. Отдельные постановления, ограничивавшие имущественные права духовенства, появились ещё в середине 1690-х гг. 6 декабря 1696 г. вышел указ об установлении государственного контроля над деревянным, каменным и келейным строительством в монастырях, в 1697 г. — о нерасходовании денег в епархиях на возведение новых зданий и присылке в Москву денежных и хлебных расходных монастырских книг¹. После поражения под Нарвой возникла необходимость в восстановлении артиллерии, для чего последовал указ о снятии церковных колоколов и сдаче колокольной меди, который, к сожалению, не сохранился. П.В. Седов датировал его 22 января 1701 г.² Однако все эти мероприятия не имели системного характера.

В октябре 1700 г. скончался глава Русской Православной Церкви — патриарх Адриан, и на смену ему Пётр назначил местоблюстителя — рязанского митрополита Стефана (Яворского), из ведения которого были исключены хозяйственные вопросы и судебная власть. 16 декабря 1700 г. царь упразднил Патриарший разряд, а дела, которые в нём рассматривались, были переданы в приказы, ведавшие мирскими людьми. Церкви в лице местоблюстителя остались лишь духовные дела по расколу, «противностям» и ересям³. Спустя немногим более месяца, 24 января 1701 г., был восстановлен Монастырский приказ, во главе которого встал боярин И.А. Мусин-Пушкин, — управлять епархиальным имуществом и судить лиц духовного чина стало светское государственное учреждение⁴. Данный указ положил начало церковной реформе Петра I. По словам И.М. Покровского, положительно оценивавшего значение реформы, в результате преобразований «с государственных отпращиваний» была

© 2021 г. И.Н. Шамина

¹ Последнее распоряжение получило отражение, в частности, в переписной книге церквей Устюжской епархии 1696/97 г. Подробнее см.: *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда, 2021. С. 62—75.

² *Седов П.В.* Снятие церковных колоколов для литья пушек в начале Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 25—40.

³ ПСЗ-I. Т. 4. № 1818.

⁴ Там же. № 1829.

снята «печать церковности и на многие церковные дела наложена печать гражданственности»⁵.

Церковные преобразования Петра I неоднократно привлекали внимание исследователей⁶, но их воплощение пока не получило обстоятельного освещения. Между тем для понимания сущности и характера реформы особенно важно проанализировать конкретные шаги правительства по её реализации. Данного вопроса коснулся М.И. Горчаков, подробно разобравший историю функционирования Монастырского приказа. Он охарактеризовал значение переписных книг, составленных по инициативе последнего, указав, что этот источник не только богат информацией, необходимой для изучения Монастырского приказа, но и представляет собой «драгоценнейший материал для истории русской жизни конца XVII и начала XVIII веков во всех отношениях»⁷. Более подробно начало церковных преобразований Петра I охарактеризовал И.А. Булыгин. Он разобрал этапы реформы и ход подготовки переписи архиерейских домов, монастырей и церквей. Историк удалось обнаружить 23 сохранившиеся переписные книги, где описаны 4 архиерейских дома, 149 монастырей и более 70 церквей⁸. Е.Н. Швейковская, рассматривая вопрос об обеспеченности крестьянских хозяйств надельной землёй в конце XVII — начале XVIII в., остановилась на характеристике переписной книги Вологодского архиерейского дома, отметив, что в ходе переписи начала XVIII в. «учёту подлежали вся церковная утварь, одежда, книги, казна, а также акты, на основании которых монастырь или архиепископский дом владел своими землями и деревнями»⁹.

Непосредственно проблему реализации церковной реформы Петра I затронула Н.В. Соколова. Опираясь на переписные книги церковно-монастырских владений Нижегородского уезда начала XVIII в., она проанализировала организационные принципы и практику проведения переписи в регионе¹⁰. Н.В. Башнин на примере Вологодского архиерейского дома рассмотрел источниковедческий аспект реализации реформы. По словам исследователя, предпринятое Монастырским приказом в 1701 г. описание «дало государству документы, на основании которых можно было составить полное представление о хозяйстве и имуществе Вологодского дома Св. Софии»¹¹. Несколько шире — на материалах Вологодской и Белозерской епархии — осуществление петровских замыслов на

---

⁵ Покровский И.М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1913.

⁶ Обзор историографии церковной реформы Петра I см.: Седов П.В. «Все-де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.). Сборник статей. СПб., 2013. С. 122—124.

⁷ Горчаков М. Монастырский приказ (1649—1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868.

⁸ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.

⁹ Бакланова [Швейковская] Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 52.

¹⁰ Соколова Н.В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII в.: Опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 44—60.

¹¹ Башнин Н.В. Церковная реформа Петра I: источниковедческий аспект (по материалам Вологодского архиерейского дома Св. Софии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 113—130; Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII — начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2020.

практике изучила М.С. Черкасова. Она пришла к выводу о том, что описание архиерейского дома и монастырей являлось «весьма масштабным мероприятием», для которого, помимо стольников из Монастырского приказа, привлекались архиерейские слуги и выборные от крестьян. Последние представляли свои «скасκι», по которым можно уточнить хронологию описания в епархии¹².

На примере Вологодско-Белозерской и Устюжско-Тотемской епархий Н.В. Башнин и М.С. Черкасова провели сравнительно-исторический анализ экономических и социальных сторон церковных преобразований Петра I в 1690-х — начале 1700-х гг. Авторы пришли к выводу, что начальный этап церковной реформы был сосредоточен в первую очередь на социально-экономических вопросах: «Успешное введение контроля за церковной собственностью позволило в дальнейшем провести административно-правовое реформирование»¹³.

Внимание исследователей реформы к Вологодскому уезду не случайно. По данному региону хорошо сохранились документы, отражающие изучаемые процессы. Однако источники фиксируют положение дел и в других частях государства.

Начиная со второй половины XIX в. стали появляться публикации различных материалов описания 1701—1703 гг. Первыми увидели свет переписные книги монастырей Углича и Угличского уезда¹⁴. В XXI в. были введены в научный оборот и опубликованы переписные книги Вологодского архиерейского дома и монастырей Вологодской, Коломенской епархий и др.¹⁵ Материалы переписи использовались при изучении различных аспектов монастырской жизни¹⁶.

Практическая реализация церковной реформы началась после обнародования указа 24 января 1701 г. В соответствии с ним все дела, связанные с Церковью, которые ранее ведались в приказе Большого дворца, были переданы в Монастырский приказ: «А в приказе Большаго дворца монастырских дел не

---

¹² Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 81.

¹³ Башнин Н.В., Черкасова М.С. Как начиналась церковная реформа Петра I? (По материалам севернорусских епархий 1690—1700-х гг.) // Canadian-American Slavic Studies. 2021. Т. 55. № 1. С. 24—50.

¹⁴ Углич: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887.

¹⁵ Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701—1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 17—107; Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой. Вологда, 2011. С. 137—200; 248—260; Башнин Н.В. Опись имущества и строений Дионисиева Глушицкого монастыря 1701 г. и переписные книги вотчины Дионисиева Глушицкого монастыря 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 138—177; Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 96—226; Шамина И.Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701—1702 гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 5—37; Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии...; и др.

¹⁶ Шамин С.М., Шамина И.Н. Печатные книги в библиотеке тульского Иоанно-Предтеченского монастыря в 1701 г.: к вопросу о вытеснении из обихода рукописных книг // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII международной научной конференции. М., 2020. С. 446—449; Shamin S.M., Shamina I.N. Biblioteki russkikh monastyrei v nachale pravleniia Petra I. K voprosu o roli monastyrskikh sobranii v knizhnom potreblenii i razvitiu knizhnogo rynka // Cahiers du Monde Russe. 2020. Т. 61. № 1. С. 51—65. DOI 10.4000/monderusse.11928.

ведать, и прежняя дела отослать в тот приказ»¹⁷. Спустя неделю, 31 января 1701 г., был издан ещё один указ, в котором чётко прописывались задачи и сфера деятельности Монастырского приказа. Последний наделялся финансово-хозяйственными функциями и исключительными правами по управлению церковными вотчинами. В этом же указе предписано и проведение конкретных мероприятий, в первую очередь переписи патриарших, архиерейских и монастырских владений: «Дому святейшаго патриарха приказным и дворянам и всякаго чину домовым людям и домовым монастырям, и всем вотчинам святейшаго патриарха и монастырей, и всех архиереев домам их и вотчинам и всего Московскаго государства всем мужским и девичьим монастырям, слугам и вотчинам их, судом и расправою и всякими сборы ведать и переписать в Монастырском приказе... А для переписки... послать из царедворцов людей добрых»¹⁸. Также в указе уделялось внимание обустройству монашеской жизни, в частности правилам поведения монахов в монастырях.

По словам Булыгина, после этого «был издан ещё целый ряд постановлений практического характера», в соответствии с которыми духовенство постепенно устранялось от управления своим хозяйством¹⁹. В частности, по указу 11 марта 1701 г. монастырским властям запрещалось до специального распоряжения правительства меняться вотчинами с другими владельцами. Упраздняялась должность посельских старцев из числа монашествующих. Вместо них управлять делами монастырских вотчин должны были светские приказчики. Монастырскому приказу следовало провести торг на «мельницы и перевозки, мосты, пустоши, рыбныя ловли и всякия оброчныя статьи, которыя отданы на оброк до урочных лет». В случае, если новые откупщики предложат большую сумму оброка, угодья необходимо передать им²⁰. Несколько распоряжений касались и монастырских порядков.

Таковы основные законодательные шаги первых месяцев церковной реформы. Уже весной 1701 г. началось масштабное воплощение распоряжений правительства в жизнь — Монастырский приказ приступил к переписи архиерейских домов, монастырей и церквей. В соответствии с указом 31 января 1701 г. на места были направлены стольники. По подсчётам Горчакова, их было 40 человек²¹. Троице-Сергиеву монастырю доверили провести описание своих обширных владений и приписных монастырей самостоятельно²². Мне удалось обнаружить четыре новых связанных с переписью начала XVIII в. вида документов. В Государственном архиве Вологодской области среди материалов Вологодского архиерейского дома хранится источник, названный «Указ Петра I о переписи крестьянских и бобыльских дворов, земель, доходов, скота и др[угого] имущества в вотчинах архиепископа и монастырей. Список. Наказ-

¹⁷ ПСЗ-И. Т. 4. № 1829. С. 133.

¹⁸ Там же. № 1834. С. 139.

¹⁹ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 76.

²⁰ ПСЗ-И. Т. 4. № 1839. С. 159—160.

²¹ Горчаков М. Указ. соч. С. 136.

²² Так, приписные к Троице монастыри описывали «соборной старец Иларион Ремезов, Макарей Теряев, Серафим Рагозин, Иона Шатилов, Феодосей Шабунин, иеромонах Геронтей Вологженин, Иона Селицкой да слуги: Андрей Белкин, Никифор Козлов, подьячий Борис Яхонин» (РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 40, л. 1 об. См. также: Алатырский Троицкий мужской монастырь: документы 1612—1703 годов. Ульяновск, 2015. С. 231).

ная память переписчику указов» (далее — наказ)²³. По сути, это не что иное, как инструкция стольнику, отправившемуся для описания церковных владений «по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича». Документ не имеет точной даты, назван только месяц — март 1701 г. В нём нет имени переписчика, не обозначен и уезд. Очевидно, наказ составлялся ещё до того, как были назначены стольники и определены уезды, которые они будут описывать. Наказ регламентировал описание монастырей и архиерейских домов, их вотчин, содержал пересказ царских указов об обустройстве монашеской жизни, который переписчикам следовало прочесть на местах, а также освещал техническую сторону процесса: что и как следует делать архиерейским и монастырским властям, чтобы обеспечить работу стольников²⁴.

Переписные книги монастырей, составленные стольником И.В. Кикиным (1660—1723), содержат ещё один интересный документ — «Указ по наказу с запискою», который стольник зачитывал в каждом описываемом им монастыре — коломенских Спасо-Преображенском, Голутвине, Бобрене, Брусенском, тульских Иоанно-Предтеченском и Успенском, а также Николаевском Венёвском и Николаевской пустыни на реке Гнилуше в Коломенском уезде²⁵. Тексты, приведённые в этих переписных книгах, почти идентичны, основное внимание в них уделено обустройству монашеской жизни. Немного отличается лишь содержание «указов» для женских (коломенского Брусенского и тульского Успенского) монастырей, что связано со спецификой последних.

Помимо «указа по наказу» стольникам, очевидно, давались также памяти «по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... и по наказу из Монастырского приказа». Одна из таких памятей — стольнику Л.Б. Каблукову, описывавшему Дмитров и Дмитровский уезд, составленная 3 мая 1701 г., — зафиксирована в переписной книге «вознесенских девичьих монастырей Бежецкого, Владимирского и Московского уездов». В документе подробно расписано, что именно должен описать Каблуков: «Церкви Божии и монастыри, и в них что есть всякое строение, и монастырскую казну, денги золотые и ефимки, и посуду серебряную, и всякие вещи, что где обрящется, по монастырским прежним описным книгам осмотря, что чего есть налицо, и братию, и слуг, и служебников, и поваров, и конюхов, и всякого чина монастырских мастеровых и работных, и ремесленных людей, и оброчников, и в житницах хлеб, и на погребах всякой запас, и на конюшенных дворах лошади и конюшенные заводы, и на скотных всякую скотину переписать». Кроме того, следовало составить перечень «великих государей жалованных всяких грамот, и вотчинных крепостей», а также установить, «сколко мерою з длиннику и попереchnику з дворовых мест оброку платят и что в монастырских житницах хлеба, и в анбарех, и на погребах всяких запасов, и на конюшенных, и на скотских дворах строения и конюшенных заводов, и лошадей, и всякой скотины». Конкретные инструкции даны и по описанию вотчин²⁶.

²³ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 1, д. 12075.

²⁴ Ещё об одном сохранившемся в ГА ВО наказе переписчикам из Монастырского приказа упомянула Е.Н. Швейковская (*Бакланова [Швейковская] Е.Н.* Крестьянский двор и община... С. 52, примеч. 19).

²⁵ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 544 об.—547, 600 об.—604, 725 об.—727 об.; ч. 2, кн. 217, л. 26—28; *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских... С. 121—122, 159—160, 208—209, 222—223.

²⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 3, кн. 6353, л. 476—477 об.

Кратко эти задачи фиксировались в преамбулах к переписным книгам. Например, в преамбуле к описанию тульского Иоанно-Предтеченского монастыря значится: «И в том монастыре у игумена и у казначея взяв переписные и приходные, и росходные книги, и по тем книгам в том монастыре в церквах Божиих святые иконы окладные и неокладные и церковные сосуды, и движимые и недвижимые вещи, и книги, и всякую церковную утварь, а в ризницах священные одежды, а в казне денги и всякую посуду, и жалованные грамоты, вкладные и всякие крепости из-за печати пересмотрил. И взял скаску у игумена и у казначея за их руками о заемных и о долговых денгах. По наказу все переписал имянно, а что чево явилось налицо и чево не явилось, и то писано ниже сего порознь имянно»²⁷.

Следует, однако, заметить, что в ряде описаний преамбулы очень краткие и не отражают конкретного содержания переписных книг. Так, например, в преамбуле, предшествовавшей описанию орловских церквей и монастырей, которое составлял стольник М.Т. Толубеев, сказано лишь: «В городе Орле соборную церковь и монастырь Успения Пресвятыя Богородицы, что преж сего был Богоявленской, и того монастыря вотчины и угодыя переписать»²⁸, в описании Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда, составленном стольником В.И. Кошелевым: «В церквах Божиих святые иконы, и церковные сосуды, и всякую церковную утварь, и монастырскую рухлядь, и монахов пересмотря, переписал»²⁹. Согласно преамбуле к описаниям угличских монастырей стольника В.Р. Воейкова, последнему следовало описать в монастырях «святых Божиих церквей и в них... иконы и всякой церковной утвари, и что тем церквам и монастырю по оградной стене мерою, и что в том монастыре всякого хороминого строения, и что в монастырской казне серебряной посуды, и сколько в том монастыре монахов, и что того монастыря в вотчинах сел и деревень и в них по именам крестьян и бобылей»³⁰.

Интересно, что описания орловских и угличских монастырей, как и вологодской Семигородней пустыни, составлялись уже в 1702 г. Возможно, через год требования к описаниям в Монастырском приказе были пересмотрены, и указы стольникам скорректировали. Наиболее важным стало зафиксировать материальные ценности и земельную собственность монастырей, в то время как информация о монахах или монастырских библиотеках оказалась менее актуальной. По мнению Н.В. Соколовой, преамбулы к переписным книгам составлялись уже после завершения процедуры описания, в беловом экземпляре, поскольку в них часто отражалось содержание нижеследующего описания³¹. Предположу, что они могли составляться и до начала описаний, вкратце повторяя содержание наказов, полученных стольниками. Несовпадение текстов преамбул может говорить о том, что стольники получали различные указы, особенно если выезжали в уезды в разное время.

Ещё одним документом, который, судя по всему, получали в Монастырском приказе стольники, были «грамоты с прочетом». Их они предъявляли настоятелям монастырей. Удалось обнаружить две таких грамоты с полностью

²⁷ Там же, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 480—480 об.

²⁸ Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 662.

²⁹ *Шамина И.Н.* Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 104.

³⁰ Углич: материалы по истории города... С. 168.

³¹ *Соколова Н.В.* Описание церковно-монастырских владений... С. 56.

совпадающим содержанием: от 11 апреля 1701 г., адресованную стольнику А.Б. Палицыну, направленному описывать монастырские владения юго-западных уездов страны — Боровск, Козельск, Мещовск, Медынь, Брянск, Рылск, Путивль, Болхов, Карачев, Белёв, Перемышль и Лихвин³², и от 12 апреля 1701 г. стольнику В.И. Кошелеву, описывавшему Вологодский уезд³³. В основном они были посвящены организации описания и повторяли некоторые положения наказа стольнику, обнаруженному в ГА ВО, хотя текстологической близости с ним не выявлено.

Приехав на место и начав описание, переписчикам не следовало превышать свои полномочия: не чинить разорения крестьянам и оберегать их «от обид», не брать взятки. За попытку что-либо утаить переписчика ждало суровое наказание. В свою очередь местные власти должны были предоставить составителям описей необходимые документы — приходо-расходные и переписные книги, дать служек для рассылок и другой помощи, бумагу, чернила и сальные свечи. Для перемещений между монастырями или сёлами в вотчинах переписчика следовало обеспечить лошадьми. Кроме того, полагалось «перепищику давать в монастырех из монастырской казны, а в вотчинах велели давать прикащиком и старостам поденной корм — денег по десяти алтын на день. Да на одну лошадь конского корму. А монастырским подьячим, которые будут у переписки с ним, перепищиком, в ыных монастырех давали кормовых денег всем вопче на день десять денег»³⁴.

Размер подённого корма и в Вологодском, и в юго-западных уездах страны был одинаковым. Это подтверждает, в частности, и сметный список с приходо-расходных книг вологодского Дионисиева Глушицкого монастыря 1701—1707 гг., где зафиксирована сумма, потраченная монастырскими властями на обеспечение стольника Кошелева и его помощников, описывавших монастырь: «Перепищику столнику Василью Ивановичю Кошелеву от переписки монастыря кормовых денег дано на шестеры сутки шездесят алтын. Подьячим ию десять алтын. Бумаги на восемь алтын на 2 денги. Свеч салных на гривну»³⁵.

Таким образом, в распоряжении стольников имелись три вида документов: наказ из Монастырского приказа, составленный на основании правительственных указов, «память по наказу» с перечислением всего, что нужно описать, и «грамота с прочетом», подтверждающая полномочия переписчика, в которой перечислялись обязанности местных властей по организации переписи. Приехав в монастырь или архиерейский дом и получив от местных властей документы, а также всё необходимое для составления описаний, стольники приступали к работе. Полученные в ходе переписи данные им необходимо было внести в особые «тетрати», а последние переправить в Монастырский приказ «безо всякого мотчания»³⁶.

Обозначенные в наказе пункты раскрыты во всех известных мне переписных книгах 1701—1703 гг., однако не все они заполнены стольниками в равной степени подробно. Например, пункт о насельниках архиерейских домов и монастырей гласил: «Перепищику переписать во архиерейском доме поименно

³² ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222. Благодарю Н.В. Башнина, указавшего мне на этот документ.

³³ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12076.

³⁴ Там же.

³⁵ *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 1074.

³⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12075, л. 1—2.

монахов, и приказных, и дворян, и детей боярских, и певчих, и конюхов, и поваров, и всякого чину людей. Также и в монастырех братию, и слуг, и подьячих, и служебников, и конюхов, и всяких монастырских работников и мастеровых людей налицо»³⁷. Стольник Кошелев, описывавший вологодскую епархию, указал имена монахов, род их занятий и место жительства до пострига, место принятия иноческого сана и должность в монастыре³⁸. Многие переписчики, как, например, служки Троице-Сергиева монастыря, перечислили лишь имена насельников приписных к Троице монастырей, упустив другие сведения о них³⁹. Стольник же Воейков, направленный в Углич и Угличский уезд, зафиксировал только имена настоятелей и назвал число живших в обителях монахов. Впрочем, как указывалось выше, и в преамбулах к описаниям угличских монастырей отмечено, что необходимо указать лишь, «сколько в том монастыре монахов»⁴⁰. Наиболее же подробны в этом плане описания части монастырей Коломенской епархии, составленные стольником И.В. Кикиным. В каждом случае он привёл не только имена постриженников, но также время и место их пострига, сведения о семье и месте проживания, занятиях или социальном статусе до поступления в монастырь. Из описаний можно узнать о переходе монахов из других обителей, о женщинах есть указания на то, были ли они до прихода в монастырь замужем⁴¹.

Ещё один раздел наказа посвящён описанию монастырских и архиерейских вотчин. Земельные владения следовало описывать после самих архиерейских домов или монастырей: «Во архиерейском доме и в монастырех вышеписанное все управа ехать в уезд в вотчину святейшаго патриарха, и в архиерейские, и в монастырские села, и в деревни». В вотчинах необходимо было переписать крестьянские и бобыльские дворы «и в них людей по имяном с отцем и с прозвищи, и что у них детей, и племянников, и внучат, и зятей, и приемышев, и захребетников», учитывая и тех, кто по той или иной причине покинул свою деревню. Особое внимание следовало обратить на то, «нет ли каких пришлых салдат и дворцовых, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян». Переписчики должны были также выяснить у старост, «что у них с которых вотчин в платеже было денежных зборов на всякие расходы, и хлеба, и всяких припасов», и описать монастырские угодья, городские дворы, лавки и «оброчные всякие места». Результаты описания вотчин следовало занести в «особые тетради»⁴².

Монастыри и их владения иногда описывались в два захода. Так, например, в вологодский Спасо-Нуромский монастырь стольник Кошелев прибыл 30 сентября 1701 г., а для описания вотчины приехал вновь 20 июня 1702 г.⁴³ В Павлове Обнорском монастыре тот же стольник работал в декабре 1701 г., а монастырскую вотчину описывал лишь спустя полгода — в июне 1702 г.⁴⁴ Раздельное описание в итоге могло привести к тому, что данные о собственниках

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ См. переписные книги Спасо-Каменного и сямженского Спасо-Евфимиева монастырей (Переписные книги вологодских монастырей... С. 154—155, 251), Павлова Обнорского монастыря (Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря... С. 85—88) и др.

³⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 40, л. 430—430 об.; Алатырский Троицкий мужской монастырь... С. 328—329.

⁴⁰ Углич: материалы для истории города... С. 176 и др.

⁴¹ Шамина И.Н. Переписные книги коломенских... С. 96—226.

⁴² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12075, л. 5.

⁴³ Шамина И.Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря... С. 10.

⁴⁴ Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря... С. 22, 43.

и их владениях оказывались подшиты в разные переписные книги или вовсе были утеряны.

Пожалуй, наиболее интересным сюжетом, связанным с начальным этапом церковной реформы, является регламентация монашеской жизни. Как известно, Пётр I с явной неприязнью относился к бездеятельности и бесполезности как в обществе, так и в государстве в целом. По его мнению, именно это зачастую наблюдалось в монастырском быту. Царь полагал, что монахи в большинстве своём «тунеядцы суть» и бесполезны с точки зрения «прибыли обществу». С другой стороны, Пётр считал монашествующих опасным и потенциально враждебным в государственно-политическом отношении элементом, который может тормозить проведение задуманных им реформ. Эта тема нашла наиболее яркое отражение в наказе стольникам и в тексте «указа по наказу», приведённого в переписных книгах стольника И.В. Кикина. Некоторые положения этих двух документов имеют текстуальные совпадения. Все они впервые появились в указе Петра I от 31 января 1701 г.⁴⁵

Первый из совпадающих фрагментов — о том, чтобы монахи находились в монастырях «неисходно» и «из иных монастырей никого монахов к себе не принимали, разве великие каковыя ради правильные вины». Лишь в порядке исключения иноки могли покидать стены одного монастыря и переходить в другой. Для этого обязательно нужно было получить «разрешительное письмо» от настоятеля. В «указе по наказу», кроме того, отмечено, что настоятель лично отвечал за перемещение монахов, он должен был «усматривать с великим прилежанием, есть ли которой монах имеет из монастыря изысти великую нужду, и таковых отпускать из монастыря на малое время, часа на два и на три, с писмом же за печатью... И без великия нужды для взятков из монастыря монахов не опускать»⁴⁶. Здесь же имелось дополнительное разъяснение об ограничении посещений и выходов из монастырей: «А монастырские врата чтоб были всегда заперты и были б у тех врат безотходно караулные монастырские воротники. И того б смотрили и берегли накрепко, чтоб ис того монастыря монахи ниhto ни для каких дел без повеления властей и без отпускного писания никуды не выходили, а мирских людей в монастырь пускать во время церковного пения. А в иное время без повеления того монастыря властей мирских людей никого пускать не велеть»⁴⁷.

По мнению Булыгина, эта ограничительная мера была направлена против «бродяжничества» чёрного духовенства⁴⁸. Упоминания о «бродячих» монахах, разносивших опасные для государства идеи, действительно неоднократно встречаются в источниках XVII—XVIII вв. Вероятнее всего, именно это и стало причиной попыток законодательно ограничить их самовольное перемещение. Однако добиться этого не удалось. По наблюдению Е.В. Кустовой, изучавшей монастыри Вятской и Великопермской епархии, несмотря на введённые ограничения, к 1724 г. смена монахами обители продолжала оставаться не частым, но и не исключительным явлением⁴⁹. То же, вероятно, наблюдалось и в других

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 4. № 1834. С. 139.

⁴⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 601—601 об.

⁴⁷ Там же, л. 545 об.—546.

⁴⁸ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 75.

⁴⁹ Кустова Е.В. Ведомости монашествующих 1724 года как исторический источник: информационный потенциал и степень достоверности // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. № 4(31). С. 51.

регионах. К примеру, когда воронежский священник Савва Дугин в начале 1730-х гг. составлял «Книгу устав христианского жития», ставшую объектом внимания Тайной канцелярии, выяснилось, что в работе над сочинением участвовал и «бродящей иеродиакон Тимофей», назвавшийся «постриженным Козловского монастыря»⁵⁰.

Второе положение, нашедшее отражение и в наказе стольникам, и в переписных книгах монастырей Коломенской епархии, было связано с запретом монахам писать что-либо в своих кельях: «А в трапезе б учинить для писма определенное место и монахом в кельях у себя никаких писем не писать и чернил и бумаги не держать. А буде каковые ради нужды кто восхошет что писать, то с повеления того монастыря начального писать в трапезе явно, а не таино». Это распоряжение стало следствием того, что монахи создавали и распространяли различного рода сочинения, направленные против петровских преобразований. Один из подобных случаев связан с коломенским Голутвиным монастырём. Сюда «под начал» был сослан бывший строитель московского Андреевского монастыря, «что во Пленницах», Авраамий, который известен как автор «Тетрадей», адресованных Петру I. «Тетради» старца Авраамия — это, по сути, челобитная о «государственном нестроении», виновником которого объявлялся царь. В 1696 г. Авраамий попытался передать своё сочинение Петру I, после чего в качестве наказания был переведён в Голутвин монастырь. Уже находясь в Голутвине, в 1701 г. Авраамий составил новое письмо, в котором просил царя забрать его к Москве и устроить с ним очную ставку⁵¹.

Третий пункт, имевшийся и в наказе, и в «указе по наказу», прочитанном стольником Кикиным, и также перекликавшийся с указом 31 января 1701 г., предполагал запрещение проживания в монастырях людей, не принявших монашеский сан: «В монастырех крылошаном и конархистом велеть быть монахом. А белцов крылошан, и дьячков, и келейников, и монашеских свойственников из монастырей переписчику выслать вон в прежние места, кто откуду пришел». Эти обязанности впредь следовало выполнять монахам. Очевидно, правительство стремилось сократить монастырские штаты и тем самым уменьшить расходы на содержание монастырей. В наказе вопрос о данном ограничении получил развитие. В случае, если обитель небольшая, «монахов малое число и в церковном пении и чтении монахами управитца невозможно», переписчику следовало сообщить об этом в Монастырский приказ, после чего в такие монастыри должны были прибыть постриженники из других обителей. «А до того числа, как монахи присланы будут, в тех монастырех для церковного управления оставить дьячков толко по два человека, которые не в молодых летех»⁵². Эта же мысль о допущении в монастыри немонахов лишь по необходимости и только пожилых проводится и в переписных книгах коломенских и тульских монастырей, составленных стольником Кикиным, где повторяется содержание

---

⁵⁰ Шамин С.М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 97—147; Шамин С.М. «Прокурором и фискалом не быть вовсе»: о проекте передачи функций прокуроров и фискалов духовенству (1731 г.) // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 154—164; Шамин С.М. Видения священника С.И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2(53/54). С. 86.

⁵¹ Панченко А.М. Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 34—36.

⁵² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12075, л. 3.

пункта указа Петра I от 11 марта 1701 г.⁵³ о монастырских келейниках: «Только в мужеских монастырях у архимондритов и у игуменов, у келарей, у казначеев и у строителей, и у братей, у кого пристойно, велеть быть келейником бельцом по человеку в келье престарелым, а молодым келейником не быть»⁵⁴.

Указанный пункт нашёл отражение в переписной книге вологодского Спасо-Нуромского монастыря. Описание последнего проводилось осенью 1701 г., и о распоряжении, касавшемся священнослужителей, там, очевидно, уже знали. В монастыре на момент переписи среди прочих насельников числились священник и диакон из мирян. Стольник Кошелев объяснил их присутствие тем, что монастырь играл также роль приходской церкви: «Прихожаня к тому монастырю — их же монастырские крестьяня разных деревень вместо приходской церкви изстари. И строение в том монастыре многое их, крестьянское». Он также отметил: «А крылашан в том монастыре один монах. А были белые дьячки. И ныне те дьячки по указу великого государя из монастыря высланы. Оставлен один человек престарелой Максимко Ермолаев»⁵⁵.

Четвёртый пункт, текстологически близкий в инструкциях стольникам, отправленным в Вологодский и Коломенский уезды, касался монастырских продовольственных запасов: «Хлебные запасы и рыбные, и иные припасы, что есть во архиерейском доме и в монастырях, в росходе держать и братью питать умеренно, по древнему обыкновению. А лишних росходов не держать и из монастыря никому ничего не давать». Архиерейским и монастырским властям велено было также «в Монастырской приказ писать почаству, что в котором месяце и числе ис которых вотчин во взяте будет»⁵⁶.

Ещё одно распоряжение касалось беглых солдат и крестьян, принадлежавших другим владельцам. В вологодском наказе речь шла о том, что всех их нужно «переписать же особо», в то время как «указ по наказу» коломенскому стольнику предполагал санкции: «Чтоб вы в вотчины свои беглых салдат и никаких служилых людей и дворцовых волостей, и помещиковых, и вотчинниковых, и ничьих беглых людей и крестьян не принимали. А буде кто примет, и тем учинена будет смертная казнь»⁵⁷. Это положение в переписных книгах Кикина повторяется по нескольку раз: оно зачитывалось не только в монастырях, но и в каждом вотчинном селе. Специального указа, где бы данное распоряжение фигурировало в контексте преобразования монастырской жизни, пока не выявлено. Очевидно, можно говорить об общих правительственных мерах, касавшихся всех категорий населения.

Проведённый анализ двух инструкций стольникам, сохранившихся в материалах Вологодского архиерейского дома и в составе переписных книг Коломны, Тулы и Венёва 1701—1702 гг., свидетельствует о том, что такие указы переписчикам, отправляемым Монастырским приказом в уезды, составлялись на основе ранее выпущенных петровских указов от 31 января и 11 марта 1701 г. Но не все положения наказов ранее фигурировали в этих указах, и текстологически они имеют с ними мало общего. Возможно, для каждого стольника составлялся отдельный наказ, а не копировался полностью с общего источника.

⁵³ ПСЗ-I. Т. 4. № 1839. С. 159—160.

⁵⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 545 об.

⁵⁵ *Шамина И.Н.* Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря... С. 23.

⁵⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 12075, л. 3.

⁵⁷ См., например: РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 547.

Следует согласиться с мнением Булыгина, полагавшего, что «чётко сформулированной программы в наказах переписчикам не содержалось», были более или менее детальные инструкции, вследствие чего и содержание переписных книг оказалось различно⁵⁸. Однако в значительной степени права и Соколова, утверждавшая, что «структура всех выявленных монастырских описаний, несмотря на то что каждый из писцов имел, по-видимому, собственный наказ, очень близка». Исследовательница предположила, что они составлялись на основе некоего «типового» наказа⁵⁹. Однако, судя по всему, «прототекстом» выступал не он, а упомянутые выше царские указы. Эти указы использовались отдельно для составления каждого наказа, поэтому они не совпадают не только в текстуальном отношении, но и в смысловом. Очевидно, единую формулировку имели «грамоты с прочетом», адресованные монастырским властям и касавшиеся организации переписи на местах, которые переписчики также получали в Монастырском приказе.

Новые указы, регламентировавшие монастырскую жизнь, появлялись на протяжении всего 1701 г. Так, указ от 8 июня запрещал постригать в монастыри «малолетних» и женщин младше 40 лет, тогда же в распоряжение Монастырского приказа перешли богадельни⁶⁰. Это стало неизбежным следствием того, что у Церкви изымались ресурсы, необходимые для благотворительной деятельности. Указом от 30 декабря 1701 г. монастырям запрещалось владеть и управлять своими вотчинами, а все поступления с них должны были собираться в Монастырском приказе. Денежные и хлебные доходы делились на две части: одна шла монахам, другую приказ расходовал на содержание богаделен, помощь бедным монастырям и др. В монастырях до минимума, без которого они не смогли бы просуществовать, сокращалось число «слуг и служебников»⁶¹. На этом, по мнению Булыгина, законодательно завершился первый этап проведения церковной реформы, в результате которого вотчины духовенства перешли в управление государства и, таким образом, «была проведена полная секуляризация церковных владений и имуществ»⁶². Описание же владений Церкви, по мнению исследователя, продолжалось до 1705 г. Эту датировку, однако, пока подтвердить не удалось: судя по сохранившимся переписным книгам, описание в основном завершилось в 1701—1703 гг.

24 июня 1702 г. появился именной указ «О переписке из всех приказов, по сбору доходов с архиерейских и монастырских крестьян и по всяким делам со стольниками, которым поручено управление монастырей и вотчин архиерейских и монастырских, а не с воеводами»⁶³. В соответствии с ним на местах были сформированы учреждения по управлению церковно-монастырскими вотчинами во главе со стольниками. Булыгин предположил, что этих стольников назначали из числа переписчиков, проводивших описание 1701—1703 гг.⁶⁴, однако, по всей видимости, это не всегда было так. В Вологде с 1702 г. действовал уже другой стольник — Л.Н. Кологривов. Им было инициировано ещё одно описание, программа которого от 9 октября 1702 г. подробно изучена

⁵⁸ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 36.

⁵⁹ Соколова Н.В. Описание церковно-монастырских владений... С. 54—55.

⁶⁰ ПСЗ-1. Т. 4. № 1856. С. 168.

⁶¹ Там же. № 1886. С. 181—182.

⁶² Булыгин И.А. Указ. соч. С. 79.

⁶³ ПСЗ-1. Т. 4. № 1914. С. 197.

⁶⁴ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 84.

М.С. Черкасовой⁶⁵. Задача нового описания состояла в том, чтобы зафиксировать количество крестьянских и бобыльских дворов в вотчинах, размеры пашни и прочих угодий; указать размер вытного тягла и количество десятинной пашни на монастырь; а также сколько «посеяно было ржи и ярового всякого хлеба, что того хлеба... в ужине, и почему из сотницы в умысле». Следовало также учесть, сколько «в сушилах рыбы, икры, вязиги, масла коровья и семенного, меду и иных столовых всяких запасов» и каковы доходы монастыря от рыбных ловель, мельниц, ярмарок и проч. По итогам описания требовалось составить «ведомости в дестевых тетратех» и «без всякого замотчания» прислать их стольнику⁶⁶. Примером такого описания может послужить переписная книга вологодского Николо-Озерского монастыря («Книги Николы Чудотворца Озерскаго монастыря игумена Левкия з братею, что чего принято налицо у прикащиков 1703 году») ⁶⁷. Ещё одним документом, связанным с данным описанием, являются так называемые сметные списки вологодского Иннокентиева Комельского монастыря 1703 г., продолжающие описание 1701—1702 гг.: «По памяти стольника Лукиана Никифоровича Кологривово... велено нам... того ж Инокентиева монастыря во обществе с прикащиком Марком Яковлевым денежному и хлебному окладному и неокладному всякому приходу и росходу учинить в тетратех сметные списки»⁶⁸.

В итоге практическая часть церковной реформы Петра I, которая пришла на 1701—1703 гг., свелась к тому, чтобы передать государству управление имуществом духовных корпораций. Руководство Церковью перешло к светской организации — Монастырскому приказу, по инициативе которого было предпринято общегосударственное описание архиерейских домов и монастырей, а также их владений. За три года задача учёта имущества Церкви была выполнена. Монастырский приказ получил сведения об архиерейских домах, монастырях и приходских храмах.

Однако процесс реализации реформы остался до конца не продуман. От воссоздания Монастырского приказа 24 января 1701 г. до начала первых описаний архиерейских домов и монастырей в апреле 1701 г. прошло слишком мало времени, чтобы чётко сформулировать задачи реформы. Источники позволяют предположить, что типовой документ изначально был составлен, но в итоге руководство Монастырского приказа не стало его использовать. Различия в наказах стольникам и преамбулах к разным переписным книгам свидетельствуют о том, что требования к составлению последних продолжали меняться уже в ходе описания. Более того, первоначально проведённое описание было неполным (по крайней мере, в отдельных уездах). В частности, недостаточно подробной оказалась информация о припасах и доходах, получаемых в монастырских вотчинах. В результате пришлось отправлять стольников для дополнительной ревизии. Не до конца реализованной на практике осталась и та часть реформы, которая преследовала задачу реорганизации монастырского быта и установления жёсткого контроля над монашествующими. Уже в течение первых месяцев описания была осознана неактуальность подробной росписи монастырских насельников, а основное внимание стольники сосредоточили

⁶⁵ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 84.

⁶⁶ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 2, л. 10—11.

⁶⁷ Там же, кн. 55.

⁶⁸ Шамина И.Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2(13/14). С. 89.

на фиксации материальных ценностей и земельных владений. Прикрепить монахов к монастырям так же, как служилых людей к их службе или крестьян к владельцам, не получилось. Наиболее последовательно Монастырский приказ занимался имущественными вопросами, в то время как социальная составляющая реформы не являлась приоритетной.

Впрочем, не до конца была решена и задача контроля монастырского имущества. Весной 1703 г. настоятели монастырей получили разрешение владеть вотчинами «до государева указа»⁶⁹. Очевидно, у правительства не хватило административных ресурсов для реализации всех первоначальных замыслов.

---

⁶⁹ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 88.